

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

КОЛЛИЗИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ XII-XIII ВВ. ПО СТУДЕНЧЕСКОЙ САТИРЕ ЭТОЙ ЭПОХИ

Источник: Добиаш-Рожественская О.А. Культура западноевропейского Средневековья. - М.: 1987. С. 115 - 143.

Оригинал здесь: http://www.binetti.ru/collectio/history/dobiache-rozhdestvensky_1.shtml.

I

Настоящий этюд представляет формулировку одного из выводов работы автора, работы долгой и кропотливой, над определенной категорией исторических источников, имеющих еще вдобавок ограничения и особенности текста литературного и даже поэтического. На эти тексты в силу их особенного характера историческая наука всегда претендовала как на свои материалы. Вспомним только употребление, какое из них делали историки, как Ваттенбах, Гизебрехт, Ланглуа [1]. Работа моя, посвященная систематическому изучению и обзору всех изданных памятников и большинства существующих рукописей, привела меня к корпусу текстов, расположенному по определенной тематике. В 1931 г. этот подбор был издан в Париже под титулом "Les poésies goliardiques". Данный этюд извлекает из этих текстов лишь материал историко-социального характера, обходя все, что относится к области чистой литературы.

Таким образом, это попытка дать некоторый частичный синтез опубликованных мною ранее текстов, частичный именно потому, что в центре исследования стоит одна категория памятников, другие же тексты привлекаются, лишь поскольку они помогают обработать ее показания. Такая постановка может показаться узкой, но всякому понятно, что в кропотливом, углубленном труде эвристики, критики и первоначальной обработки подлинного материала всегда есть нечто, накладывающее ограничения на широту синтеза. Заранее признавая эти особенности, которые делают этюд односторонним, полагая, что в науке, и в частности в медиэвистике, на фоне общего порыва к более широким проблемам подобные этюды нужны и законны, я решаюсь предложить его вниманию читателя.

Коллизии, являющиеся предметом настоящего исследования, отразились на судьбах самого памятника, о котором здесь будет идти речь.

Сатира вагантов, или голиардов, в которой отразилось ироническое отношение странствовавших школяров и бродивших в поисках места клириков средневековья к современному им бытию, имела очень сложную и изменчивую судьбу.

Первые сведения об этой сатире относятся к началу XIII в. и идут из кругов, ей резко враждебных. Церковные соборы и епархиальные синоды, указы епископов и постановления светской власти, действующей в этом случае, как и во многих других, под давлением духовенства, говоря о вагантах, прилагают к ним термин "голиарды" -- термин осуждающий. Они описывают вагантов как определенную социальную группу, подозрительную церкви и ей враждебную. Они даже называют вагантов "сектою" -- обозначение неверное, извращающее действительность, но характерное для кругов, употреблявших его.

Отсюда идут истоки отрицательного отношения к интересующим нас памятникам, и здесь же было положено начало мифу о "дьяволе" -- родоначальнике этой литературы -- образу загадочного Гулии, или Голии. В результате длинной цепи словесных и литературных превращений здесь намечается силуэт -- некая туманность, где, с одной стороны, сгущаются пламенно-демонические черты и обозначается грозное лицо "дьявола", с другой -- облик бродяги-скомороха, вооруженного насмешливым латинским стихом и тем добывающего себе хлеб, гуляки, паразита и пересмешника из деклассированных людей церкви и высшей школы. "Невидимый епископ Голия", вождь странствующих банд, "изрыгнувший", по словам Жиро де Барри, "много песен, как ритмических, так и метрических, столь же бесстыдных, сколь и безумных (*impudenter quam imprudenter*), против папы и римской курии", объемлет все черты и все проявления средневекового Мефистофеля -- от его головы с грозными рогами до игривого хвоста и отталкивающего приличных людей запаха.

Эта отверженная "секта" вызвала к себе иное отношение, когда воплощенный ею "протест" слился с грозным и победоносным движением более глубокого протеста и "бесстыдные и безумные песни" нашли угрожающе широкий резонанс.